

Сперанский А.В.
(Екатеринбург)

Концепция тоталитаризма как методологическая интерпретация истории России XX века

До 1990-х гг. в отечественной истории господствовала марксистская методология. В силу известных причин она рухнула, не выдержав, главным образом политических и идеологических ударов. Первоначально возник вакуум, который затем стал стремительно заполняться самыми разнообразными концепциями, схемами и моделями: от архаичных до супермодерновых. В результате в методологии изучения отечественной истории возникла ситуация, называемая «российским феноменом», суть которого заключалась в том, что на смену тоталитарной методологии пришла концептуальная анархия. Причем если в западной методологии, концепции последовательно сменяли и сменяют друг друга, то в России 1990-х гг. все они стали функционировать и конкурировать в одно время, в одном историческом поле.

Отношение российских историков к этому концептуальному хаосу было неоднозначно:

1. историки-практики (эмпирики) отнеслись к нему достаточно прохладно, как к очередной не нужной схоластике;
2. историки-теоретики (методологи) забили тревогу, объявив кризис в отечественной методологии. При этом четко проявилось два взгляда:
 - одни стали говорить о глобальном кризисе опустившем российскую методологию истории на задворки мировой;
 - другие видели лишь частичный кризис, проявлявшийся якобы только в отраслях отечественной истории тесно связанных с политикой (история КПСС, история СССР, отдельные разделы новой и новейшей истории).

Однако, несмотря на разноплановость в оценках, само наличие методологического кризиса, заставляло искать из него выход. Уже в первой половине 1990-х гг. была предпринята попытка наведения определенного порядка на «методологической кухне» отечественной истории в рамках инвентаризации и оценки имеющихся концепций. Начали с политеса, определив главным вопросом проблему того, что же было построено в СССР за 74 года правления коммунистической партии.

Первоначально не отрицалось понятие «социализм», но к нему стали добавлять различного рода эпитеты, несшие в себе явно отрицательные характеристики: «государственный», «казарменный», «идеократический», «феодальный» и т.п. Затем в ход пошли эвфемизмы, и с легкой руки Г. Попова в исторический лексикон был введено понятие «командно-административная система», которое не только вытеснило поизносившийся термин «сталинизм», но и позволило начать системную критику всего обще-

ства, сложившегося в пределах СССР, а не отдельных его негативных моментов.

В результате на поле отечественной исторической науки была привнесена концепция тоталитаризма. Ее возникновение, развитие и утверждение имело разнообразные причины как методологического, так и политического характера:

- во-первых, надо было срочно заполнить вакуум, возникший после крушения господства марксизма;
- во-вторых, новая концепция соответствовала настроениям масс и ожиданиям политических элит;
- в-третьих, новые взгляды легко соотносились с наработанными в рамках марксизма навыками изучения истории.

В итоге, сторонники новой концепции, основываясь на марксистском стереотипе, лишь заменили закономерности социализма логикой тоталитаризма. Это привело к тому, что на все явления прошлого не вписывающиеся в клише современных политических представлений стали навешивать «тоталитарный ярлык», как бы освобождавший критическое отношение к ним от какой-либо серьезной аргументации. Концепция тоталитаризма была объявлена «супер-новой» и под нее стали подтаскивать все события и факты истории России XX века.

Однако в очередной раз желаемое было выдано за действительное. Ничего нового в предложенной интерпретации не было. Подобного рода модели развития СССР еще с 1950-х гг. активно разрабатывались западными историками, интересовавшимися советской историей. Более того, в 1960-х гг. в среде советологов возникла научная дискуссия, приведшая к расколу мнений в оценках, происходящего в советской сверхдержаве.

Родоначальник тоталитарной концепции Р. Пайпс и его сторонники, считавшие октябрьские события 1917 года в России не революцией, а верхушечным переворотом, сталинизм логичной практикой, вытекающей из марксистско-ленинской теории, сложившуюся в СССР систему управления тоталитарной, отказывавшие коммунизму в возможности реформирования и призывавшие к его ликвидации (1), остались в явном меньшинстве.

Большинство участников дискуссии заняли ревизионистские позиции, признав октябрь 1917 года революцией, сталинизм извращением марксизма-ленинизма, а сформировавшуюся в СССР политическую систему при всех ее негативных характеристиках способной к развитию и совершенствованию.

Таким образом, российские «тоталитаристы» в начале 1990-х гг. вскопили на уже изобретенный на западе велосипед, к тому не отличавшийся совершенством конструкции. На вооружение была принята далеко не новая, раскритикованная даже на Западе историческая концепция, причем без должной верификации. Тем не менее, по крайней мере с 1990 по 1993 гг. она претендовала на лидирующие позиции в российской методологии истории.

За этот период в тоталитаристском ключе были написаны десятки монографий и сотни статей, а сам термин «тоталитаризм» буквально вьелся в сознание историков (2). Однако к середине 1990-х «тоталитарный бум» поутих. «Архивная» революция размыла источниковую базу советской историографии. Новые архивные документы потребовали более глубокого анализа истории России XX века, более серьезных аргументов при обосновании тех или иных выводов. Не вписываемость новых источников в старые схемы объективно заставила обратиться к моделированию новых исторических конструкций.

В целом российские «тоталитаристы» конца 1980-х гг. – начала 1990-х гг. основывались на теоретическом выводе о том, что тоталитаризм, как общественно-политическое явление оформляется на рубеже XIX – XX вв., чему способствуют как политические, так и экономические причины. Основопологающей политической причиной определялся некий «крутой поворот» в истории человечества, в рамки которого вписывалась первая мировая война, объективно потребовавшая централизации власти и жесткой государственной дисциплины. Эти особенности функционирования системы государственного управления, характерные для экстремальных условий военного времени, были объявлены основными признаками тоталитаризма.

Дальнейшая логика рассуждений сводилась к следующему. Все страны-участницы первой мировой войны вынуждены были неизбежно «переболеть» тоталитаризмом, так как специфическая и экстраординарная ситуация, порожденная ей, требовала железного порядка и в социально-экономической, и в общественно-политической, и в институционально-правовой сферах. Иначе просто невозможно было мобилизовать все силы и средства страны на успешное ведение военных действий.

После окончания мировой «бойни», те страны, где в довоенный период были развиты демократические институты власти, вернулись к либеральным формам управления (Англия, США, Франция). В тех же странах, где демократические традиции были слабо развиты или полностью отсутствовали, чрезвычайные управленческие структуры, порожденные войной, не только не атрофировались, но наоборот стали фундаментом тоталитарных режимов, утвердившихся на долгие годы (Германия, Италия, Испания и др.).

Становление тоталитарных режимов по данной методологической концепции объясняется и наличием экономических предпосылок, решающая роль, среди которых отводится процессам индустриализации. Индустриализация рассматривается как объективная ступень движения человечества по пути научно-технического прогресса, преодолеваемая им вслед за промышленным переворотом. Важнейшими признаками индустриализации, активно развивающейся в развитых странах мира в первые десятилетия XX века, называются автоматизация и механизация, напрямую способствующие внедрению конвейерных способов производства в технологические процессы

выпуска продукции. В условиях широкомасштабной индустриализации, человек становится придатком машины, «винтиком» огромного механизма, что способствует «усреднению» его трудовой деятельности и производственной психологии. Кардинальные перемены в производственной сфере активно влияют на общественно-политическое поведение людей, формируют так называемое массовое сознание, порождают массовую культуру. Стремление быть «как все», не выделяться из общей массы, следовать указаниям «сверху» становится основой поведенческой мотивации огромной массы людей и способствует формированию тоталитарного мышления, основе основ тоталитарных политических режимов.

Россия в XX веке оказалась в когорте стран насквозь пораженных тоталитаризмом. Этому способствовала особая предрасположенность к восприятию этой «болезни», обусловленная всем ходом ее исторического развития. Две общие для всех стран причины оформления тоталитарных структур ярко проявлялись в России. В начале двадцатого столетия в плане политического управления она представляла собой абсолютную монархию, что являлось крайним феодальным анахронизмом. Участие в первой мировой войне, последовавшее вслед за этим революционное потрясение и гражданское противостояние затормозили развитие демократических институтов. Начавшаяся в 1930-е гг., пусть и с опозданием от передовых стран запада, индустриализация способствовала ускорению процесса формирования тоталитарной психологии. Кроме этого тоталитаризм нашел в России хорошо удобренную историческую почву в виде готовой усредненной психологии основной массы населения страны, в лице многомиллионного крестьянства, веками проживавшего в рамках общины с ее круговой порукой и царистскими иллюзиями. Важным стимулятором тоталитаризма стал и октябрьский государственный переворот 1917 года, приведший к власти большевиков, строивших свою политическую практику на теории марксизма, призывающей, как известно, к «всеобщему равенству».

Таким образом, Россия по логике мирового и своего специфического исторического развития не могла избежать тоталитаризма, который и утвердился в ней в виде «сталинизма» на долгие годы.

Сталинизм представляет собой разновидность тоталитаризма, как международного общественно-политического явления, основанную на национальных традициях и конкретно-исторических особенностях исторического развития России, отличающих его от подобного рода режимов, имевших место в Германии, Италии, Испании, Португалии и др. странах.

В исторической литературе конца 1980-х – начала 1990-х гг. имеется огромное количество различного рода удачных и неудачных определений, претендующих на всестороннее освещение сущности сталинизма. Авторы большинства дефиниций, как правило, сводят понятие сталинизм только к негативному пониманию, представляют его в виде преграды, тормозившей

прогрессивное развитие России. Подобного рода однобокость, базируется на политической конъюнктуре и не позволяет оценить всю сложность и противоречивость этого явления, охватившего не только политико-институциональную, социально-экономическую, но и культурную сферы жизнедеятельности российского социума.

Дискуссии, имеющие место среди российских историков, разделяющих концепцию тоталитаризма, по определению понятия «сталинизм» сводятся в основном к двум разногласиям. Одни, следуя за политической логикой Ю. Мартова и псевдо-научными заключениями Р. Пайпса, считают сталинизм логическим продолжением теории и практики марксизма-ленинизма. Другие, идя на поводу высказываний «обиженного» Л. Троцкого и противников главного «советолога», утверждают, что сталинизм – извращение, отход от взглядов К. Маркса и В. Ленина (3).

Оригинальной представляется дефиниция С. Коэна, как бы примиряющая обе спорящие стороны. Американский исследователь «советских проблем» безапелляционно утверждает, что «сталинизм – это ленинизм доведенный до полного абсурда». Определенная логика в этом экстравагантном заявлении американца безусловно есть. Ведь на первый взгляд И. Сталин действовал на основе известной русской поговорки «Заставь дурака богу молиться, так он и лоб расшибет». В практике «социалистического строительства» ленинское «всемерное развитие тяжелой индустрии» превращается в сталинскую форсированную индустриализацию, осуществленную за счет других отраслей и в первую очередь – разграбленного сельского хозяйства. Добровольная и постепенная кооперация аграрного сектора, задуманная «вождем мирового пролетариата», превращается «отцом всех народов» в насильственную коллективизацию с массовым «раскулачиванием» и разорением основной массы производителей сельскохозяйственной продукции. Ну и наконец, революционный террор против классовых врагов, не отрицавшийся Владимиром Ильичем в экстремальных условиях гражданской войны, становится с легкой руки Иосифа Вессарионовича геноцидом против собственного народа, унесшим миллионы жизней в мирное время.

В этой связи наиболее удачным представляется определение, не отрицающее и определенное позитивное влияние сталинизма на исторический процесс России в XX веке.

Сталинизм – это практика модернизации страны, осуществлявшаяся командно-административными методами под прикрытием марксистско-ленинской фразеологии.

Эта формулировка, с одной стороны, акцентируя внимание на понятие «модернизация», включает в себя индустриальный и научно-технический рывок, который сделала Россия под руководством И.В. Сталина в 1930-40-е гг., с другой стороны, ставит столь модную сегодня проблему теоретической базы и цены достигнутых успехов. Объективные условия, при которых стра-

на осуществляла модернизационные преобразования, помноженные на субъективный фактор, связанный с личностью вождя обуславливали процесс репрессивного воздействия на общество, выводили практику «построения социализма» за рамки исторического предвидения и теоретических формул классиком марксизма-ленинизма. По большому счету, они лишь декларировались, выступали в виде своего рода «икон», но при этом конкретная жизнь заставляла действовать «сообразно обстановке».

В этой связи особую роль приобрели возникшие еще в период революции 1905-1907 гг. такие уникальные органы управления как Советы. В.И. Ленин, разработав целую «теорию советской власти», увидел в них некую универсальную модель, прообраз будущей народной власти, сочетающей в себе «диктатуру пролетариата» и «союз рабочего класса и крестьянства».

Заметим, что Советы возникли как органы рабоче-крестьянского самоуправления в условиях борьбы за власть, что определяло их революционность и в известной мере демократичность. Но как только они эту власть получили, так сразу стали проявляться все изъяны, определенные самой идеологией их создания. Сочетания в одних руках законодательной и исполнительной власти, характерное для структуры Советов, в экстраординарных условиях революционного стресса было неизбежно и в целом играло положительную роль. Однако в условиях мирного времени эта организационно-политическая особенность порождала их полную бесконтрольность.

Используя все властные рычаги, заложенные в структуре управления, Советы «подмяли» под себя судебную власть, заставили служить своим интересам средства массовой информации, принятые называть «четвертой властью», и таким образом, обеспечили себе практически неограниченное господство в политической системе страны. Такое исключительное положение в структуре государственного управления, стало привлекать в Советы огромное количество карьеристов, людей, стремившихся воспользоваться служебным положением в личных, корыстных целях.

Стремительное «обюрокращивание» Советов, вызвало беспокойство со стороны правящей партии, попытавшейся поставить их под свой контроль, что не дало необходимого эффекта. Более того, возник процесс сращивания партийного и государственного аппаратов управления, породивший специфическую категорию управленцев, ставших «правящей» основой большевистского государства и получивших в современной политологии и истории название – «партократия» или «номенклатура». Именно они играли заглавную роль в своеобразной «пирамиде власти», оформившейся в СССР в 1930-е гг. и экспортированной после второй мировой войны в страны, попавшие под его влияние.

Обозначенная «пирамида» предполагала первую ступень в лице некой «харизмы», то есть вождя с практически неограниченной властью, главной задачей которого являлось генерирование определенных идей, дающих им-

пульс общественному развитию. Второй ступенью властной «пирамиды» определялась «элита», представляющая группу близких и преданных «харизме» людей. Подбираемые и назначаемые «харизмой» так называемые вожди «второго плана», полностью зависели от «главного» вождя и должны были обеспечивать тиражирование его идей в сферах государственного управления, руководимых ими.

Третья ступень, «партократия» или «номенклатура», состояла из чиновников среднего звена, обязанных мобилизовать народные массы на практическую реализацию спускаемых «сверху» идей (4). Главной обязанностью народа, следуя дальнейшей логике рассуждения, являвшегося четвертой ступенью «пирамиды власти», была необходимость мобилизовываться и реализовывать на практике идеи «харизмы» и ее окружения. Какая-либо инициатива, если и допускалась, то только в рамках обозначенных идей, выход за их пределы, классифицировался как подрывная антигосударственная деятельность и грозил «смельчаку» крайне опасными последствиями.

Созданная в 1930-х гг. советская модель государственного управления, стержнем которой являлась обозначенная выше «пирамида» власти, обладала высоким уровнем прочности и выживаемости. В первую очередь это обуславливалось так называемой «функциональной гибкостью», которой система обладала. С одной стороны, она предусматривала вертикальное кадрового перемещения, суть которого заключалась в возможности продвижения в высшие эшелоны власти выходцев из народных масс и в действии механизма, позволявшего наказывать нерадивого руководителя и исключить его из правящей обоймы, опустив на более низкую ступень партийно-государственной иерархии. С другой стороны, действовал принцип горизонтального перемещения кадров с одной «руководящей» должности на другую, обеспечивавший определенную стабильность положения номенклатуры. Кроме того, массам позволяли участвовать в безальтернативных выборах в различные властные структуры, создавая иллюзию сопричастности в управлении государством. Все это вместе взятое порождало видимость демократии, дезориентировало массы, притупляло их политическую активность и социальный протест.

К тому же очень умело и действенно использовался популизм. Система всегда действовала «от имени народа» и «для народа», а когда мероприятия, проводимые «по просьбе трудящихся», все таки не находили понимания и поддержки в какой-либо части общества, прибегала к поискам «врагов народа», проводя индивидуальные зачистки или массовые репрессии. Народ в интересах которого и «во имя» которого якобы действовала «народная» власть, оказался в заложниках господствующей номенклатуры и собственных иллюзий.

Таким образом, следуя логике тоталитарной интерпретации истории России XX века, сталинизм представлял российскую разновидность обществен-

но-политического явления, имеющего корни глобального, международного характера. Россия в силу своеобразия исторического развития оказалась в когорте стран наиболее восприимчивых к тоталитарным методам правления. К тому же революции, как показывает мировая история, чаще всего заканчиваются диктатурами, чему свидетельствуют английская революция, породившая Кромвеля и великая французская революция, выдвинувшая Наполеона. Сталин, волею судеб оказавшийся во главе «пирамиды власти» после-революционной России, стал по сути дела персонификацией объективных процессов, которых вряд ли удалось избежать, будь на его месте другой человек. Политика, проводимая в СССР, могла получить другое название, проводиться чуть жестче, или чуть мягче, но ее общая направленность и содержание все равно остались бы неизменными.

Сталинизм в России прошел определенные этапы формирования и развития. С периодом, охватывающим 1922-1929 гг. связывают его становление. 1929-1941 гг. относят к утверждению командно-административной системы, способствовавшей замене «диктатуры пролетариата» «диктатурой личности». 1941-1945 гг. представляются этапом, когда власть ослабила свои тиски и дала возможность народу, спасая свою Родину, спасти и господствовавший в ней политический режим. Послевоенный период, вплоть до смерти Сталина 5 марта 1953 г. характеризуется новым наступлением тоталитарной системы на спасший ее народ с целью подавления роста общественного самосознания, объективно порожденного Великой Победой. Однако кончина генералиссимуса не стала концом сталинизма, который с разной степенью эффективности, то критиковался, то проявлялся на всех последующих этапах исторического развития советской супердержавы. В политическом смысле рецидивы этого сложного, противоречивого, не однозначного в оценках общественно-политического явления явственно проявляются и на современном этапе развития России.

1. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993; Он же. Русская революция. М., 1994. Т. 1-2.
2. Гордон Л., Клопов Э. Сталинизм и постсталинизм: необходимость преодоления // Осмыслить культ Сталина. М., 1989; Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989; История и сталинизм. М., 1991; Загладин Н.В. Тоталитаризм и демократия: конфликт века // Кентавр. 1992. Июль-август; Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1; Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917-1929 гг. М., 1994; Кузнецов И.С. Советский тоталитаризм: очерк психоистории. Новосибирск, 1995; Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Кн. I-II. Екатеринбург, 1996-1997;
3. Мартов Ю. Мировой большевизм. Берлин, 1923; Он же. Из писем 1917 г. // Свободная мысль. 1991; Троцкий Л. Иосиф Сталин. Опыт характеристики // Осмыслить культ Сталина. М., 1989.
4. Авторханов А. Происхождение партократии // Октябрь. 1991. С. 138; Восленский М. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991.